

©

*Канаев Е.А.
НИУ ВШЭ*

©

*Демиденко С.В.
Институт общественных наук РАНХиГС*

ИГИЛ в ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ в СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

«Открытием» международной жизни последних двух лет стало квазигосударственное образование Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ). Эффективная борьба с угрозой, которую несет в себе ИГИЛ, едва ли возможна без глубокого и академически выверенного анализа самого феномена Исламского государства с точки зрения его идейной и экономической основы, международных связей, пропагандистских методов, отношения к нему мирового мусульманского движения и ряда иных аспектов. Не менее важный вопрос состоит в том, как фактор ИГИЛ влияет на эволюцию угрозы международного терроризма в других регионах. Особенную опасность в данном случае представляет тот факт, что ИГИЛ фактически демонстрирует успешность идеологии радикального ислама, который, как оказалось, может создавать собственные квазигосударственные институты и поддерживать их работу относительно продолжительное время. При этом надо отметить, что феномен ИГИЛ коренным образом отличается от феномена «Талибана». И если второй опирался на этнически однородную структуру пуштунских племен, то первый является образованием интернациональным, то есть в более полной степени воплощает сверхидею исламских радикалов - всемирного мусульманского халифата. Из этого аспекта в данном случае вытекает и высокая активность ИГИЛ на международной арене, желание руководства организации вербовать новых сторонников в разных частях мира от Европы до Юго-Восточной Азии, где угроза международного терроризма была и остается актуальной. Влияние ИГИЛ привнесло в проблему мусульманского радикализма здесь новые грани и оттенки, побудив Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) выработать новый подход к

террористической угрозе, сделав ставку на его идейной составляющей.

Успех этих усилий Ассоциации напрямую связан с поддержкой внешних партнеров. Это относится, прежде всего, к США, спустя несколько месяцев после терактов сентября 2001 г. провозгласившим Юго-Восточную Азию «вторым фронтом» борьбы с международным терроризмом, а летом 2014 г. создавшим коалицию по борьбе с Исламским государством.

ИГИЛ как международный феномен

Запрещенное в России Исламское государство (также известное в мировом информационном пространстве как Исламское государство Ирака и Леванта - ИГИЛ, или Исламской халифат) представляет собой весьма интересный с научной и крайне опасный с политической точек зрения феномен. Фактически эта организация (а возможно уже и квази-государственное образование) бросила цивилизационный вызов всему западному миру. Сразу следует оговориться, что «западный мир» в понимании исламистов – это не только США и ЕС, но и Россия, и страны Юго-Восточной Азии, и Китай. Иными словами – все, кто отрешился от традиционных ценностей и способствует своей политикой укреплению несправедливого мирового порядка, в котором есть место для угнетения одних народов другими (под «народом», которому требуется защита со стороны радикалов, в данном случае подразумевается вся глобальная мусульманская умма).

Опасным заблуждением было бы считать ИГИЛ бандой недалеких пастухов и экзальтированных молодых женщин, в руки которых волею оружейных баронов попали несколько «Калашниковых». Многие из радикалов хорошо знают историю и теологию, умеют обращаться со сложнейшими IT-программами, владеют навыками ведения партизанской войны. И главное - большинство исламистов (по крайней мере, их верхушка) - борцы идейные. Своими корнями феномен ИГИЛ уходит в глубину недавнего прошлого Ближнего Востока. В ту пору, когда западными странами формировалась серьезно уще-

мившая интересы арабов и других населяющих эти территории наций система Сайкса - Пико (1916 - 1921 гг.). Именно слом этой системы является главной внешнеполитической задачей ИГИЛ¹. Так заявляют идеологи радикалов, это подтверждают оценки видных отечественных экспертов-исламоведов².

ИГИЛ принято относить к наиболее радикальному направлению ислама, а именно к его ваххабитской (салафитской) версии. Чтобы лучше понять идеологические истоки организации и причины ее успешности, необходимо сделать небольшой экскурс в историю религии.

Как известно, ислам разделен на религиозно-правовые школы, именующиеся мазхабами. Существует четыре суннитских мазхаба, получивших свои названия по именам факихов-основателей - ханифитский, ханбалитский, шафиитский и маликитский (у шиитов принято выделять два мазхаба - джаафаритский и зейтидский). Отличаются эти направления отношением их представителей к основным источникам исламского правоведения - Корану, сунне, иджме и кыйясу (неглавными считаются - истихсан, истислах, истисхаб, шариаа ман каблана, фетва, адат и фикх в смысле закона). Если первые два понятия в комментариях не нуждаются, про два оставшихся необходимо сказать несколько слов. Под иджмой понимают согласованное мнение мусульманских правоведов по отдельным вопросам религиозно-правового характера, не оговоренных ни в Коране, ни в сунне. Кыяс - это суждение о непредусмотренных Священным писанием и Священным преданием прецедентах по аналогии с описанными в Коране и сунне.

Из всех мусульманских богословов наиболее консервативными считаются ханбалиты. В качестве главных источников права они признают лишь Коран и сунну. Иджма признается ими только в том случае, если речь идет о согласованном мнении по тому или иному вопросу ближайших сподвижников Пророка, а кыяс не используется практически никогда (сам основатель школы Ахмед Ибн Ханбал (780 – 855 гг.) предпочитал опираться на «слабые» хадисы, нежели использовать кыяс³). Также ханбалиты отрицают аллегорическое толкование Священной книги и хадисов (сунна), позиционируя себя как единственных и последовательных носителей чистого ислама (при

этом не стоит заблуждаться насчет заявлений ряда ханбалитских богословов о том, что они, в отличие от других направлений суннитского ислама, до сих пор держат открытыми «двери иджтихада» - творческой деятельности по изучению, интерпретированию и комментированию богословско-правовых источников - в контексте отношения последователей Ибн Ханбала к трактовке священных текстов эти заявления в целом носят демагогический характер)⁴.

Творческое развитие идеи Ибн Ханбала получили в трудах Ибн ал-Джаузи (ок. 1116 – 1201 гг.) и Ибн Таймийи (1263 – 1328 гг.). Имя последнего, хотя он и считается видным деятелем суфийского течения, принято отождествлять именно с ханбалитами (пытался выстраивать свое учение на принципе «золотой середины», совмещая в нем элементы опоры на разум - калам, традиционализма - накл, и суфизма - ирада⁵). Значительное количество ханбалитов было уничтожено во время монгольского нашествия в Аравию. Ренессанс же учения наступил во второй половине XVIII века и связан с именем Муххамеда ибн Абд ал-Ваххаба (1703 или 1704 – 1792 гг.) – основателя так называемого салафитского («ваххабитского») призыва. В своих воззрениях, основой которых является представление о единобожии (таухид), Ибн Абд ал-Ваххаб опирался на труды Ибн Таймийи. По мнению Абд ал-Ваххаба, ислам нуждался в очищении, избавлении от вредных новшеств (бида) - культа святых, паломничества к святым местам, не связанных непосредственно с именем божьим, принесения жертв и обетов и т.д. Все перечисленные выше действия однозначно трактовались вероучителем как ересь и искажение истинной веры (особое отношение у последователей Ибн Абд Ал-Ваххаба было даже к пророку. Его они воспринимали лишь как человека, которого Аллах избрал своим посланником. Мухаммада необходимо почитать, но нельзя обожествлять и поклоняться ему. Места, связанные с жизнью пророка, нельзя делать объектами поклонения, а празднование его дня рождения (мавлюд-ан-наби) порицаемо, хотя и не запрещено полностью⁶).

Особо следует коснуться воинственности ваххабитов, из которой вытекает их склонность к различного рода экстремистским действиям. Непримируемость радикалов распространяется

в первую очередь на других мусульман, не разделяющих воззрения Абд ал-Ваххаба (таких «единоверцев» ваххабиты считают еще худшими безбожниками, чем язычников). Известный отечественный востоковед А.М.Васильев приводит следующий пример из жизнеописания основателя учения. Однажды Ибн Абд ал-Ваххаба Сулейман, брат Мухаммеда спросил его, сколько существует столпов ислама, и когда Мухаммед ответил «пять», брат сказал: «Ты сделал шесть. Шестой - кто не последовал за тобой, тот не мусульманин»⁷.

В этой связи особое место в вероучении ваххабитов занимает концепция джихада и его крайней формы – священной войны. Убежденность носителей ваххабитских догм в том, что на них возложена священная миссия по очищению ислама, порождает в их среде абсолютный фанатизм, присущий салафитам по сей день. Идея войны за правое дело является оправданием для самых крайних, необузданных форм подавления любой оппозиции – идеологической или политической. Сегодня, когда регулярные боевые действия вести не всегда удается, радикализм принимает формы террора против мирного населения, в том числе в мусульманских странах. Исламисты не особенно задумываются относительно того, могут ли они получить достаточную базу поддержки их деятельности в обществе. Главное – быть на пути Аллаха, вести войну за чистоту веры, совершать «богоугодные» деяния при первой же возможности. Ваххабиты практически не выдвигают политических требований, а если и выдвигают, то заведомо невыполнимые. Главное для террористов не достижение реальных целей, а героическая смерть во имя веры.

Руководители ИГИЛ считают себя в идейном смысле последователями религиозной доктрины Ибн Ханбалы. По данным Би-Би-Си глава ИГИЛ Абу-Бакр Ал-Багдади (настоящее имя - Ибрагим Авад Ибрагим Ал-Бадри⁸), также известный теперь под именем Халиф Ибрагим, в начале 2000-х гг. после получения степени доктора философии в университете Аль-Иракия (факультет исламских наук) проповедовал в Мечети Имама Ахмада Ибн-Ханбалы в Самарре⁹. Полуофициальная биография Ал-Багдади выводит его генеалогические корни из племени курейш, того самого к которому принадлежал и сам

основатель ислама¹⁰. Правдивы ли данные факты в настоящий момент сказать чрезвычайно сложно, однако то, что биографы Ал-Багдади, информацию которых как правило и используют журналисты, пытаются отождествлять его личность с носителями «чистого ислама» (Ибн-Ханбалом, Абд Ал-Ваххабом и т.д.) не вызывает сомнений. То есть идейную сторону доктрины ИГИЛ вполне возможно соотнести с ваххабитским учением и ханбалитским мазхабом в целом.

Высокую эффективность радикальной (ханбализм - салафизм - ИГИЛ) пропаганде обеспечивает также и ярко выраженный социальный аспект ее проповеди. Основопологающим моментом здесь является уплата закята – налога в пользу беднейших представителей уммы (один из пяти столпов ислама). Закят – основа гармоничного устройства современного общества, в котором народ обязан повиноваться своим лидерам, а те, в свою очередь, – справедливо относиться к подданным. Учение Абд ал-Ваххаба требует, чтобы эмиры и другие господа заботились о своих слугах, наемных работниках и даже рабах. Восславляется аскетичность, а алчность, скупость, зависть, лже-свидетельство, ростовщичество неустанно порицаются. Вместе с этим резкой критике подвергаются и обычаи, искушающие мусульман излишней расточительностью – пышные свадьбы, семейные торжества, похороны, поминки и т.д.¹¹. Именно поэтому границы Исламского государства в Ираке украшает лозунг: «Вы вступаете на территорию справедливости»¹²

Социальную доктрину ваххабизма нельзя воспринимать как ориентированную исключительно на беднейшие слои общества. Скорее, главной ее задачей является привлечение в ряды организации искренних молодых мусульман, тех, кто остро переживает за судьбы своего народа и своей религии, тех кто твердо уверен, что существующий «несправедливый» мировой порядок можно изменить только путем внедрения чистого ислама, силой оружия и силой личной веры. Большинство радикалов ступают на путь, концом которого является неминуемая смерть, исключительно по собственному выбору.

В интервью, которое дал журналу «Шпигель» бывший начальник отдела террористических операций ИГИЛ (в статье проходит под псевдонимом Абу Абдалла), образ среднестати-

стического «идейного» члена ИГИЛ прослеживается достаточно четко - молодой мусульманин от 21 до 30 лет, испытывающий полное и абсолютное презрение к чужой и собственной жизням, с легкостью и даже весело идущий на смерть¹³. Смертников отличает искренняя, беззаветная вера в «божью волю» и слепое следование предначертанному пути. Отсутствие сомнений, упование на незыблемость установленных свыше законов и уверенность в истинности своего духовного выбора порождают феномен террористов-камикадзе, которые приводят в действие «пояса шахидов» на улицах Багдада и Дамаска (а теперь и Парижа) или кидаются под пули сирийских военных¹⁴. Сам Абу Абдалла носил на себе взрывное устройство, но был захвачен столь стремительно (данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что в операции по его поимке, скорее всего, принимал участие американский спецназ, который и до знаменитого заявления главы Пентагона Эштона Картера воевал на территории Сирии¹⁵), что просто не успел привести его в действие.

Далеко не все в ИГИЛ - искренние и фанатичные сторонники чистого ислама. «Истинные мусульмане» – лишь «лучшая» часть организации. Немало среди ее членов и криминальных элементов, примкнувших к движению по утилитарным соображениям, и бывших офицеров армии Саддама Хусейна, и просто обманутых¹⁶. По весьма приблизительным подсчетам СМИ среди бойцов ИГИЛ лишь 30% можно охарактеризовать как «идейных», остальные же, это - «джентльмены удачи».¹⁷ Но и подобного рода люди полезны и играют в организации существенную роль. Так, согласно данным того же «Шпигеля», ключевой фигурой в исламистском движении до недавнего времени был кадровый сотрудник иракской разведки Абу Джиндал Ал-Ираки (настоящее имя - полковник Самир Абд Мухаммад Ал-Хлифави¹⁸). Именно при его непосредственном участии, а также при содействии других офицеров разгромленных после 2003 года иракских специальных служб якобы и создавалась ИГИЛ¹⁹. «Шпигелю» вторят отечественные эксперты, которые также считают, что к появлению движения причастны профессиональные разведчики²⁰.

Однако не стоит думать, что бывшие «саддамовцы» являются реальными руководителями ИГИЛ. Они, скорее, оказались в числе радикалов от безысходности, потеряв свое социальное положение и средства к существованию. После 2003 года кто-то из них поступил на работу к новым властям, а кто-то, очевидно не желая служить оккупантам и оппортунистам, вступил в ряды сопротивления. Офицеры-баасисты в ИГИЛ, по наблюдениям очевидцев, не отличаются от остальных боевиков ни одеждой, ни манерой поведения. Бывшие саддамовцы вынуждены мимикрировать, сливаться со средой и подражать тем, с кем еще не так давно они сами вели непримиримую борьбу. В частности, те, кто видел самого Ал-Ираки в 2014 году, рассказывают, что бывший офицер Республиканской гвардии, не проявлявший ранее особой религиозности, теперь носил густую бороду, регулярно совершал намаз и гордился чистотой своей «веры»²¹.

Пропаганда ИГИЛ ориентирована не только на арабов - проповедь ее идеологов интернациональна. Именно с этим обстоятельством связан тот факт, что в рядах организации иракцы и сирийцы занимают не так уж и много мест. По словам директора Национального антитеррористического центра США Николаса Расмуссена, количество «иностранных» бойцов в ИГИЛ - 28 тыс. человек²². Данные Министерства обороны РФ примерно совпадают с американскими сведениями. Отечественные военные эксперты оценивают численность иностранцев в ИГИЛ в промежутке между 25 и 30 тыс. человек²³.

Центральное разведывательное управление США приводит следующий список государств, чьи граждане сражаются теперь в Сирии и Ираке - Тунис (3 тыс.), Саудовская Аравия (2,5 тыс.), Россия (1,5 тыс.), Иордания (1,5 тыс.), Марокко (1,5 тыс.), Франция (ок. 1,3 тыс.), Ливан (ок. 0,8 тыс.), Германия, Великобритания, Ливия, Турция (примерно 0,6 - 0,7 тыс.), Пакистан и Узбекистан (по 0,5 тыс.)²⁴.

Приведенные выше цифры свидетельствуют в пользу крайне высокой степени популярности социально ориентированных идей ваххабистских улемов в среде мирового мусульманского движения. Привлекают они к себе простотой и ясностью в трактовке религиозных догм, а также лозунгами о един-

стве мировой мусульманской уммы на основе идей нестяжательства, аскезы и труда на общее благо.

Фактически можно говорить о том, что глобальная экономическая модель порождает и поддерживает в развивающихся странах целый комплекс социальных болезней (коррупция, клановость, nepотизм, кумовство, перекрытие лифтов вертикальной мобильности и т.д.), которые отражаются на уровне жизни молодых мусульман. Многие из них не видят иного выхода из создавшейся ситуации кроме вооруженной борьбы против несправедливости системы, законсервировавшей порядок, в которых путь вверх к повышению социального статуса и самореализации лежит только через межклановые, межплеменные коррупционные связи. Именно поэтому пропаганда ИГИЛ ложится на вполне подготовленную социальную почву, особенно в условиях, когда отсутствует конкуренция идей - также ориентированная на социальную справедливость левая идеология марксистского толка девальвирована и оболгана ее же бывшими основными носителями. Однако идеологического вакуума не бывает. И если у общества имеется потребность в социальной справедливости (а среди мировой мусульманской уммы подобный запрос, и это - очевидно, есть), то вакуум заполняется иной системой идей, также имеющих своей целью сокрушение несправедливого мирового порядка, но иными методами и под другими лозунгами. В данном случае радикальный суннитский ислам необходимо рассматривать именно в таком качестве. Фактически на смену социалистической доктрине в арабском мире сегодня пришел ваххабизм, который с политологической точки зрения вполне можно охарактеризовать как консервативную «революционную» идеологию.

ИГИЛ все еще продолжает оставаться в международном плане структурой маргинальной. У ее руководства нет официальных международных контактов. В этом отличие движения, например, от афганского «Талибана», чье государство весьма быстро получило признание со стороны Саудовской Аравии, Пакистана, ОАЭ и Туркменистана. Однако конфиденциальные связи, наверняка, имеются, и весьма обширные. Во многом, именно благодаря таким контактам ИГИЛ удается поддерживать на весьма высоком уровне свою экономическую деятель-

ность, обеспечивая продовольствием и обмундированием значительную повстанческую армию. Мало того, на довольствие ИГИЛ находятся и «гражданские чиновники», пропагандисты, мусульманские судьи - все, кто пытается поддерживать порядок на покоренных территориях и организовывать новые управленческие структуры. В частности, сунниты из Мосула, которые выезжают с территории ИГИЛ на хадж, порой весьма довольны своей жизнью. Они сообщают, что в городе работают все коммунальные службы, власти заботятся о простых гражданах, искоренена коррупция (уличенным в воровстве чиновникам исламисты просто поотрубали руки²⁵).

Когда говорят об экономических основах деятельности ИГИЛ, обычно упоминают торговлю нефтью, контрабанду оружия и археологических ценностей, работоторговлю, мошенничество и рэкет²⁶.

Особое место в статье доходов ИГИЛ занимает торговля сырой нефтью и нефтепродуктами. В настоящий момент исламисты контролируют значительные, богатые полезными ископаемыми территории на Востоке и Юго-Востоке Сирии в провинциях Ракка, Хасеке, Дейр-аз-Зор. Здесь располагаются несколько крупных (по меркам Сирии, разумеется) нефтегазовых бассейна - Евфратский (Дейр-аз-Зор), Синдjarский (Хасеке) и Алеппо - Ракка (Ракка). Имеются также несколько газоперерабатывающих заводов и один нефтеперерабатывающий - в Дейр-аз-Зор. Как сообщают мировые СМИ, группировка уже достаточно давно сформировала свою, если так можно выразиться, энергетическую стратегию. Именно благодаря нефти на подконтрольных исламистам территориях поддерживается порядок, население не голодает, выплачивается зарплата муниципальным служащим (см. выше). По оценкам журналистов, исламисты добывают в Сирии (из богатых полезными ископаемыми районов Ирака ИГИЛ сумели вытеснить еще весной 2015 года) от 34 тыс. до 40 тыс. баррелей нефти в день, которая потом продается по цене примерно в 30 долларов за баррель²⁷. Это якобы дает радикалам около 550 млн. долларов чистого дохода в год²⁸. Оценки Министерства финансов США, на которые ссылаются, в частности, представители Би-Би-Си, более скромные. Согласно подсчетам американцев, за 2014 год ИГИЛ

заработало более 100 млн. долларов по всем возможным статьям извлечения прибыли²⁹.

Нефтяная отрасль ИГИЛ, по всей видимости, неплохо отрегулирована. На скважинах и заводах работают наемные технические специалисты, труд которых хорошо оплачивается³⁰. В условиях тотальной безработицы в Сирии и Ираке, а также сложной экономической ситуации в других странах Ближнего Востока исламисты без труда находят желающих поработать на них. Здесь, как и в случае с рядовыми бойцами, есть и те, кто выступил в ряды «экономического блока», руководствуясь убеждениями, и те, кто просто приехал подзаработать. Главой «нефтяной отрасли» ИГИЛ до недавнего времени был некий выходец из Туниса, известный журналистам под именем Фатхи Бен Аун Бен Джилди Мурад аль-Туниси (якобы убит американским спецназом). «Нефтяной эмир» осуществляет техническое руководство и текущее управление отраслью. Все стратегические вопросы находятся в ведении центральной Шуры - верховного совета, руководящего организацией в целом³¹ (серьезной ошибкой было бы считать Абу-Букра аль-Багдади неограниченным «монархом» Исламского государства, принцип коллективизма в принятии решений - одна из важнейших черт (наряду с принципом преемственности власти - ихтияр, и клятвы верности верховному правителю - мубайя), характеризующих так называемое «идеальное», то есть построенное по принципу первой мусульманской общины в Медине, исламское сообщество). Надзор за производством и сбытом нефти ведет специальная организация «Амният», которую также еще называют тайной полицией ИГИЛ³².

В контексте исследования экономической стратегии ИГИЛ весьма интересно было бы изучить рынки сбыта «экстремистских углеводородов». Однако именно здесь заключается самая большая проблема - никто никогда не признается, во всяком случае официально, что покупает нефть у террористов. Некоторые исследователи полагают, что основным потребителем - турецкие трейдеры, другие пеняют на государства-изгои и иорданцев³³. Есть сообщения, что нефть и нефтепродукты частично сбываются на территории Сирии, в том числе и «уме-

ренным» повстанцам, которые без бензина не смогут продолжать боевые действия³⁴.

Данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании, но очевидно, что любые действия, даже криминального характера, исламисты не могут осуществлять без обширной сети международных контактов. Разумеется, эта сеть наверняка охватывает не только интернациональных преступников, но и людей весьма солидных, готовых погреть руки на извлечении сверхприбылей от незаконного оборота автоматов, нефти и культурных ценностей. Не удивительно, что пока еще глобальные связи ИГИЛ не до конца изучены.

Влияние ИГИЛ на Юго-Восточную Азию и ответ АСЕАН

Угроза международного терроризма, в настоящее время отождествляемая с ИГИЛ, – явление для Юго-Восточной Азии, в общем и целом, привычное и существующее в латентной форме много лет. Характеризуя ее новые оттенки, привнесенные влиянием ИГИЛ, выделим наиболее важные.

Во-первых, в представлениях членов террористических группировок ЮВА, ИГИЛ – это де-факто существующее государство, имеющее собственную территорию, законы, социальную инфраструктуру и прочие атрибуты полноценного государственного образования. То есть именно того, что террористы ЮВА безуспешно планируют создать. Отсюда – их стремление совершить хотя бы одну поездку на территорию, контролируемую ИГИЛ, воспринимая этот шаг как что-то вроде хаджа в Мекку. Хотя число таких «паломников» из стран ЮВА относительно невелико – по оценочным данным, их, в общем и целом, не более 1000 человек, ситуацию важно рассматривать в динамике. По мере дальнейшего роста общего числа лиц, прибывающих на контролируемую ИГИЛ территорию, возрастет и количество наемников из ЮВА.

Во-вторых, ИГИЛ активно использует интернет-пространство, создавая собственные сайты, он-лайн журналы, осваивая социальные сети, выкладывая видеоролики на портал Youtube и пр. Это позволяет ИГИЛ осуществлять информационно-пропагандистскую деятельность, в том числе в странах ЮВА, которая не требует физического присутствия, устраняет

проблемы с личной безопасностью, а также необременительна с финансовой точки зрения.

В-третьих, гуманитарный кризис с беженцами рохинджа в Мьянме привел к радикализации настроений многих молодых людей из этой народности, усиливая их мотивацию присоединиться к ИГИЛ. Действительно, зачем быть человеком второго сорта в собственной стране, не имея социальных перспектив, или владеть жалкое существование беженца, если можно добраться до контролируемой ИГИЛ территории, взять в руки автомат и завоевать право на достойное место в жизни?

С другой стороны, существуют факторы, сдерживающие влияние ИГИЛ в ЮВА. У мусульман ЮВА, кроме проживающих в Мьянме, на юге Таиланда и в бедных районах Индонезии, нет экономических стимулов ехать на Ближний Восток. В своих странах они устроены гораздо лучше, чем, например, жители Сирии, Ирака или Северной Африки. В отличие от последствий афганского конфликта радикалы ЮВА, возвращающиеся из Ближнего Востока, сразу попадают под пристальное внимание спецслужб своих стран, а следовательно, лишены такого стратегического преимущества, как внезапность. Наконец, не наблюдается безусловной поддержки ИГИЛ экстремистскими группировками ЮВА – наоборот, лидеры некоторых из них считают, что ИГИЛ отходит от «истинного ислама» (разумеется, в их понимании этих категорий), а назначение Абу Бакра ал-Багдади халифом ИГИЛ нарушает законы шариата³⁵.

Ожидать, что влияние ИГИЛ способно кардинально «раскачать» проблему международного терроризма в ЮВА до состояния, сопоставимого с 1990–2000-ми годами, едва ли целесообразно. Проблема в ином – радикализация мусульман ЮВА, даже в самых незначительных масштабах, подрывает эффективность усилий Ассоциации по формированию Сообщества АСЕАН в сфере политики и безопасности и Социокультурного сообщества АСЕАН.

Проводя мероприятия по противодействию угрозе международного терроризма, государства ЮВА усвоили основной урок: терроризм носит транснациональный характер. Соответственно, на серьезный успех можно рассчитывать, лишь выйдя за страновые рамки и используя возможности и механизмы

АСЕАН и «ведомых» ею форматов многостороннего диалога. Суммируя осуществляемые «десяткой» шаги по борьбе с ИГИЛ, выделим два направления – оперативно-тактическое и стратегическое.

Первое, как и прежде, представляет собой декларации о необходимости объединить усилия в противодействии терроризму. Однако практически-ориентированные мероприятия, которые проводились бы всеми десятью странами, на регулярную и системную основу не поставлены. Второе, гораздо более «ресурсное» – лишить террористов, как в ЮВА, так и за ее пределами, идейной основы. Это воплотилось в развитии идеи т.н. «Глобального движения умеренных» (ГДУ) (*Global Movement of Moderates*).

Эта идея впервые была озвучена премьер-министром Малайзии Н.Разаком на заседании ГА ООН в 2010 году. В течение следующих нескольких лет идея была доработана, и ее основные положения были отражены в Декларации Лангкави о глобальном движении умеренных (апрель 2015 года). Согласно позиции АСЕАН, умеренность – одна из ценностей, которую необходимо продвигать во внешний мир, используя механизмы внутриасеановского сотрудничества и взаимодействия с партнерами по диалогу. Сами мероприятия заключаются в развитии межконфессионального диалога на национальном, региональном и международном уровнях, ознакомлении с достижениями друг друга по искоренению экстремистской идеологии, обмену информацией и лучшими практиками по продвижению идей «умеренности» в государствах АСЕАН, а их конечная цель – добиваться снижения уровня религиозного экстремизма в ЮВА и за ее пределами³⁶.

Для успешной реализации задуманного АСЕАН нужна помощь извне. Поддержку ГМУ уже выразили Движение неприсоединения и форум АСЕМ. Однако в интересах Ассоциации – сотрудничество, прежде всего, с США, противостоящими ИГИЛ на Ближнем Востоке.

Американский вектор

Ставка АСЕАН на США представляется более чем обоснованной в контексте того места, которое занимает Юго-

Восточная Азия в глобальной антитеррористической стратегии Вашингтона. Вместе с тем, провозгласив ЮВА «вторым фронтом» борьбы с международным терроризмом, США сконцентрировались на двустороннем взаимодействии с отдельными странами субрегиона. Вашингтон увеличил численность своих воинских контингентов на Филиппинах, инициировал новые направления сотрудничества с Индонезией и Малайзией, расширил обмен разведывательной информацией с Сингапуром, Малайзией и Таиландом. Разделение вопросов этносепаратизма (МИЛФ) и религиозного экстремизма (Джемаа Исламия и Абу Сайяф) на Филиппинах принесло США определенные репутационные бонусы.

Однако общее впечатление от глобальной антитеррористической стратегии США в мусульманских странах ЮВА, равно как с точки зрения АСЕАН как единого целого, было негативным. Сам факт выделения ЮВА в качестве арены второго фронта борьбы с международным терроризмом был воспринят в Малайзии и Индонезии как войну США не против терроризма, а против ислама. Вторжение США в Ирак такие настроения лишь усилило³⁷. Куала-Лумпур и Джакарта отрицательно отнеслись к предложению командующего Седьмым флотом США адмирала Т.Фарго о размещении боевых кораблей США в Малаккском проливе якобы для защиты его от пиратов, при том, что практически одновременно влиятельный американский журнал *Foreign Affairs* провел прямую взаимосвязь между пиратами и террористами³⁸. Однако главный просчет Вашингтона заключался в том, что США боролись с *проявлениями* терроризма, игнорируя его *причины*. Гипертрофируя значение силовых мер, Вашингтон не считал целесообразным активизировать экономическое сотрудничество с государствами ЮВА, тем самым расширяя возможности снижения там остроты социальных проблем.

На многостороннем треке США намеренно и демонстративно противопоставляли свои действия ожиданиям Ассоциации как единого целого. В 2001 году США предложили обсуждать вопросы безопасности на заседаниях форума АТЭС в обход Регионального форума АСЕАН. Подписав Совместную декларацию США – АСЕАН по противодействию терроризму³⁹,

Вашингтон дал понять Ассоциации, что не намерен наполнить содержанием такое сотрудничество с ней в рамках общерегиональных диалоговых форматов, пропустив два заседания Регионального форума АСЕАН в 2003 и 2005 годах. Отмена в 2007 году саммита США-АСЕАН на уровне глав государств и правительств лишь усилили сомнения Ассоциацию в готовности Вашингтона развивать многовекторное сотрудничество, частью которого является противодействие международному терроризму в ЮВА. Противопоставляя свою политику ожиданиям партнеров, США начали продвигать в Юго-Восточную Азию собственные многосторонние инициативы. Основные из них – Инициатива о безопасности контейнерных перевозок (*Container Security Initiative*) и Инициатива о нераспространении оружия массового поражения и средств его доставки (*Proliferation Security Initiative*), в реализации которых Вашингтон усматривал залог успеха не столько в борьбе с террористической угрозой, сколько в обретении односторонних политических и военных выгод.

О степени готовности нынешней американской администрации «вкладываться» в борьбу с терроризмом в ЮВА совместно с АСЕАН говорят несколько красноречивых фактов. В речи Х.Клинтон о приоритетах американской политики в АТР противодействие терроризму в ЮВА упомянуто лишь мельком, в контексте развития военных связей с Филиппинами⁴⁰. Предложение США странам АСЕАН о скоординированном патрулировании Южно-Китайского моря⁴¹ не может не вызывать ощущения дежа-вю с инициативой Т.Фарго о размещении боевых кораблей США в Малаккском проливе – обе идеи имеют не столько антитеррористический, сколько отчетливый антикитайский подтекст. «Ведомый» американскими усилиями проект Транстихоокеанское партнерство (ТТП) ведет к геоэкономической поляризации АТР, содействуя эскалации многих экономических, а вслед за ними и социальных, проблем в государствах ЮВА. Эти проблемы были и остаются питательной средой для распространения идей радикального исламизма.

Инициатива АСЕАН о развитии Глобального движения умеренных не вызвала заметного отклика со стороны США. Судя по материалам, опубликованным на сайте Государствен-

ного департамента США и ГДУ, целенаправленная работа, поставленная на долгосрочную и системную основу, между США и Движением не проводится. Стороны лишь достигли договоренности о создании Регионального цифрового контрпропагандистского центра коммуникации (*Regional Digital Counter-Messaging Communication Center*), назначение которого – бороться с пропагандой ИГИЛ в интернет-пространстве⁴².

Такая ситуация подталкивает к выводу, что США не ставят перед собой задачу наладить эффективное взаимодействие с АСЕАН по линии противодействия ИГИЛ – как на концептуальном, так и на практическом уровне. Недостаток концептуальной проработки проблемы и отсутствие практических результатов в снижении ее остроты Вашингтон, как и прежде, планирует компенсировать наращиванием военного сотрудничества с союзниками и партнерами из ЮВА. Однако в стратегическом плане успех такой политики представляется сомнительным.

ВЫВОДЫ

ИГИЛ в международном плане представляет собой абсолютно новый феномен, который еще нуждается в дополнительном детальном изучении. На сегодняшний день можно с полной уверенностью сказать, что причины его появления кроются в глубочайших диспропорциях социально-экономического развития государств Ближнего и Среднего Востока. Причины же этих диспропорций уходят своими корнями в колониальное прошлое субконтинента.

Высокий уровень коррупции, социальной незащищенности населения, отсутствие реальных карьерных перспектив в условиях «закрытости» (клановости) экономических моделей большинства государств Ближнего Востока и Северной Африки породили сначала протест так называемой «арабской весны», а потом воплотились в феномене ИГИЛ. Появление этого движения стало лишь апофеозом тех процессов, которые уже шли в регионе не один десяток лет, и которые в какой-то степени были активизированы внешним фактором в виде американского вторжения в Ирак и поддержки радикальных идеологий со стороны консервативных религиозных кругов в Персид-

ском заливе. Идеологи салафизма в своей пропаганде сочетают богословскую догматику и социальный момент, влияя на умы и чувства молодых мусульман, внушая им, что только вооруженная борьба и создание всемирного халифата являются единственным возможным вариантом успешного будущего арабского и всего исламского мира, находящегося на данный момент под гнетом «новых крестоносцев» из США и ЕС.

Для АСЕАН проблема ИГИЛ имеет не столько внутреннее, сколько внешнее измерение. Влияние ИГИЛ на ЮВА вряд ли можно считать достаточно сильным, чтобы придать новое дыхание таким террористическим группировкам, как Абу Сайяф или Джемаа Исламия. Вместе с тем, АСЕАН едва ли сможет игнорировать проблему ИГИЛ. Заявляя о стремлении усилить свое влияние на процессы глобального развития, Ассоциация будет и искать подходы к снижению угрозы международного терроризма, олицетворяемого самим фактом существования ИГИЛ.

Осознавая транснациональный характер угрозы международного терроризма и сделав ставку на использование «мягкой силы», Ассоциация продвигает Глобальное движение умеренных как ответ пропагандистской машине ИГИЛ. ГДУ обладает хорошим потенциалом, однако без помощи извне оно едва ли проявит его в полной мере.

Надежды Ассоциации на такую помощь со стороны США пока не приносят результатов. Оснований ожидать их появления в будущем объективно не много. Не потому ли, что само существование ИГИЛ и рост его влияния на различные регионы отменно вписываются в приоритеты Вашингтона по поддержанию «управляемого хаоса» в современном мире и расширению возможностей его перекраивать сообразно американским интересам? То обстоятельство, что основным из них – по крайней мере, применительно к АТР, – остается «лидерство любой ценой», представляется более чем очевидным.

- ¹ Dairieh M. (2015) My Journey Inside the Islamic State. 1 July. (режим доступа: <https://news.vice.com/article/my-journey-inside-the-islamic-state>).
- ² См., например: Султанов Ш. Даже если уничтожить ИГИЛ, проблемы, из-за которых она возникла, не исчезнут. (режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/7109/>).
- ³ Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы. М., 2011. С., 211.
- ⁴ См., например: Ислам. Энциклопедический словарь (режим доступа - <http://www.psyoffice.ru/slovar-s33.htm>).
- ⁵ Ислам. Энциклопедический словарь . М., 1991. С. 85 - 86.
- ⁶ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М., 1982 (режим доступа - http://www.e-reading.club/bookreader.php/1034067/Vasilev_-_Istoriya_Saudovskoy_Aravii.html)
- ⁷ Там же.
- ⁸ 2015. What is 'Islamic State'? 2 December. (режим доступа - <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-29052144>)
- ⁹ Zelin Aaron Y. (2014) Abu Bakr al-Baghdadi: Islamic State's driving force. 31 July. (режим доступа - <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-28560449>)
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Васильев А.М. Указ. соч.
- ¹² Панкратенко И. ИГ: под флагом «справедливости». 29 июня 2015 года. (режим доступа - http://www.stoletie.ru/vzglyad/ig_pod_flagom_spravedlivosti_951.htm)
- ¹³ Reuter Ch. (2015). 'I'm Not a Butcher': An Interview with Islamic State's Architect of Death. 16 July (режим доступа - <http://www.spiegel.de/international/world/a-conversation-with-an-isis-suicide-bomber-logistician-a-1043485.html>).
- ¹⁴ 2015. Interview with an 'Islamic State' fighter. 3 June. (режим доступа - <http://www.dw.com/en/interview-islamic-state-fighter/a-18493931>)
- ¹⁵ Dairieh M. My Journey Inside the Islamic State...
- ¹⁶ 2014. EXCLUSIVE: Q&A with former Islamic State member. 28 September. (режим доступа - http://www.yourmiddleeast.com/culture/exclusive-qa-with-former-islamic-state-member_26696)
- ¹⁷ What is 'Islamic State...; Минобороны РФ: В рядах ИГИЛ воюют до 30 тысяч иностранных боевиков (режим доступа - <http://1crimea.ru/novosti/mir/Minoborony-RF-V-ryadah-IGIL-voyuuyut-do-30-tysyach-inostrannyh-boevikov.html>). Сведения о двухсоттысячном контингенте исламистов следует считать серьезно преувеличенными.
- ¹⁸ На сегодняшний день считается убитым

19 Reuter Ch. (2015) The Terror Strategist: Secret Files Reveal the Structure of Islamic State. 18 April (режим доступа - <http://www.spiegel.de/international/world/islamic-state-files-show-structure-of-islamist-terror-group-a-1029274.html>).

²⁰ Султанов Ш. За созданием ИГИЛ стоят мощные профессионалы (режим доступа - http://www.dynacon.ru/content/articles/4348/?sphrase_id=7044).

²¹ Dairieh M. My Journey Inside the Islamic State...

²² What is 'Islamic State'...

²³ Перемитин Г. В Минобороны оценили численность воюющих на стороне ИГ иностранцев. 4 июня 2015 года. (режим доступа - <http://www.rbc.ru/politics/04/11/2015/56398f199a794742adf514e1>).

²⁴ CIA World Factbook. Cit. by: What is 'Islamic State'...

²⁵ Nazish K. (2015). Life under Islamic State rule in Mosul one of constant fear. 25 October. (режим доступа - <http://www.usatoday.com/story/news/world/2015/10/25/life-under-islamic-state-rule-mosul-one-constant-fear/74383082/>)

²⁶ What is 'Islamic State'...

²⁷ Solomon E., Chazan G., Jones S. (2015) Isis Inc: how oil fuels the jihadi terrorists. 14 October. (режим доступа - <http://www.ft.com/cms/s/2/b8234932-719b-11e5-ad6d-f4ed76f0900a.html#axzz3px4d65SP>)

²⁸ Ibid.

²⁹ What is 'Islamic State'...

³⁰ Solomon E., Chazan G., Jones S. Isis Inc: how oil fuels the jihadi terrorists....

³¹ Solomon E., Chazan G., Jones S. Isis Inc: how oil fuels the jihadi terrorists....

³² Ibid.

³³ См., например: Пособники терроризма. Кто покупает нефть у боевиков ИГИЛ? 30 октября 2014 года. (режим доступа - <http://www.aif.ru/money/economy/1372353>)

³⁴ Solomon E., Chazan G., Jones S. Isis Inc: how oil fuels the jihadi terrorists....

³⁵ Liow J.C. (2014) ISIS Goes to Asia. Brookings Brief. 21 September. (режим доступа – <http://www.brookings.edu/research/opinions/2014/09/21-isis-goes-to-asia-liow>)

³⁶ (2015) Langkawi Declaration on the Global Movement of Moderates. 28 April. (режим доступа – <http://www.asean.org/news/asean-statement-communications/item/langkawi-declaration-on-the-global-movement-of-moderates>)

³⁷ (2006) Mahathir: US policy in Iraq, Iran prelude to 4th World War. People's Daily. 8 June. (режим доступа – http://en.people.cn/200606/08/eng20060608_272051.html)

³⁸ Luft G., Korin A. (2004) Terrorism Goes to Sea. Foreign Affairs. November-December.

³⁹ (2002) US-ASEAN Joint Declaration on Combating Terrorism. Washington, 1 August. (режим доступа – <http://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/ot/12428.htm>)

⁴⁰ Clinton H. (2011) America's Pacific Century. Foreign Policy. October 11. (режим доступа – <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>)

⁴¹ Chen S. (2015) U.S. Navy Urges Southeast Asian Patrols of South China Sea. Bloomberg. 18 March. (режим доступа – <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-03-18/u-s-navy-urges-joint-southeast-asia-patrols-of-south-china-sea>)

⁴² Parameswaran P. (2015) US, Malaysia to Set Up New Center to Counter Islamic State by End of 2015. The Diplomat. 22 October. (режим доступа – <http://thediplomat.com/2015/10/us-malaysia-to-set-up-new-center-to-counter-islamic-state-by-end-of-2015/>)